

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

Александр Неклесса

о гибридной войне и чёрных
лебедях над Донбассом

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

Александр Неклесса о гибридной войне и чёрных лебедях над Донбассом

Александр Неклесса рассказал «Народным новостям» о гибридной войне, новой эпохе, слабостях цивилизации и «черных лебедях» сложного мира.

<http://nation-news.ru/2015-05-27/103871-chyornyye-lebedi-nad-donbassom-neklessa-o-gibridnoy-voyne/>
22:39 27.05.2015

Александр Неклесса – председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН. Руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия».

— В последнее время в средствах массовой информации все чаще используется термин «гибридная война». Причем, западная пресса применяет этот термин в отношении России, которая якобы ведет такую «гибридную войну», а в России уверены в том, что спланированный натиск осуществляют США. Так что же это за война, можем ли мы говорить о ней применительно к украинскому конфликту?

— Начну все же с предисловия, в данном случае это существенно. Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение данного тезиса стирает остроту его содержания. Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой. И, несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций, – с иной скоростью социального времени. Где-то, начиная с последней трети XX века, социальное время ускоряется, разночтения множатся, и мир обретает новый статус, который сейчас проще всего определить как «сложный мир». Опознание и осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности, в результате мы попадаем в ловушки: у нас неточные карты и дефицит имен

для новизны. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Теперь по поводу гибридной войны. Национальные государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшем автономию гражданской и военной деятельности. В XX веке война стала индустриальным феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры, действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более масштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих действий, заключались международные соглашения, подписывались Женевские конвенции и т.п.

Конечно, множились отклонения от стандарта, прежде всего в ситуациях транзита, чаще всего – революций. А в глобальном масштабе – при столкновении идеологий и культур или резкой асимметрии сил сторон. Наиболее частые отклонения – партизанские действия, скрытое участие иностранных войск, терроризм, военно-политические акции, массированное использование сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим в корейской и вьетнамской кампаниях: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных (явных и закамуфлированных), герильи, гражданских лиц, совмещение экономических, психологических, информационно-пропагандистских операций. Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями. Вьетнам показал, что война выигрывается отнюдь не только за счет силового превосходства.

Следующий кейс, Большой Ближний Восток. Здесь множество сюжетов, относящихся к теме: от израильско-палестинских, афганских, иракских сценариев до коллизий, связанных с подвижным, лишенном границ Исламским государством. Или сам по себе феномен «войны с терроризмом». По мере усложнения ситуаций меняется методология анализа и действия, формулируются инновационные методы управления: матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное и т.д. Системы становятся чересчур многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом (точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры). Так, к примеру, успешность первой иракской кампании была в определенной мере обеспечена ориентацией ее сценария на ментальность лидера противоположной стороны...

Сейчас существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Вот мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам». В сухом остатке гибридная война — это сумма разнообразных средств и действий, применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств и подчинения либо деструкции противника. В своей основе она следствие большой транзитной ситуации, когда прежние категории и регуляции утрачивают актуальность, но параллельно усиливается роль нетривиальных активов, т.е. происходит адаптация к заметно изменившимся условиям и наличию властно-правового консенсуса. Иначе говоря, это не та война, которая у нас служит точкой отсчета.

Для нас архетип «войны» – «Великая Отечественная», но с тех пор имела место комплексная несинтегрированная в сознании «холодная война», включавшая распределенное множество локальных конфликтов, прочих деструктивных операций и активных мероприятий различного толка. К тому же военные действия сегодня могут происходить не только в физическом измерении, но также в информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью кибератак, управленческих методов и психологических инструментов, применяемых в интеллектуальных, творческих, антропологических средах. Образно говоря, можно победить страну, а она об этом узнает «только на следующий день».

В какой-то мере Украина оказалась частью этого нового пространства операций и его очередным полигоном.

— **Каковы, на ваш взгляд, сущностные причины украинского конфликта?**

— Здесь, как и в предыдущем вопросе, нужно учитывать генетику явления, его основания, в то время как сейчас львиная доля внимания уделяется конъюнктурным факторам, т.е. не «почему вообще», а «почему сейчас».

Я бы выделил следующие «долгоиграющие» аспекты проблемы. В прошлом веке разрушались имперские организмы — сначала континентальные: Российская, Австро-Венгерская, Османская империи. Затем начали рассыпаться «морские империи»: британская, французская, испанская, португальская... т.е. шел процесс, получивший определение «деколонизация», порождавший национальные государства. В Европе для континентальных империй процедура была прописана Парижской мирной конференцией и последующими договорами, породившими плеяду постимперских национальных государств и подмандатных территорий, причем не только в Европе. А для империй «морских» и несколько позже — ООН.

Если посмотреть на систему исторических взаимоотношений Украины и России в данном ключе, но используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, — перипетии обретения независимости Ирландией. Или, отчасти, история отношений Сербии и Хорватии. Можно найти иные аналогии, причем не только в Европе, присмотревшись, скажем, к судьбе Испанской гегемонии в Латинской Америке (не случайно в свое время Семен Петлюра изменил свое имя на Симон именно ради аналогии с Симоном Боливаром). Или даже коллизии Великобритании с устремленными к независимости США. Разные ситуации, с разным историческими маршрутами, но вызывающие ассоциации, реминисценции, имеющие определенный инвариант и служащие историческим уроком.

Другой аспект российско-украинских отношений и связей — это культурный дифференциал и проистекающая из него возможность «столкновения культур». Цивилизационный разлом в данном случае не столько конфессиональное пограничье, сколько социальное разночтение истории. Рубеж был прочерчен, скорее, в соответствии с политической культурой городского самоуправления («магдебургским правом»), а не ареалами конфессий; цивилизационная граница — северо-восточный рубеж распространения городов, обладавших магистратом (на юго-западе Российской империи до Смоленска, включая его). И еще выраженная культура самоуправления в Гетманщине, вся совокупность традиций военного сообщества Запорожской Сечи. В империи же существовал дефицит практики самоуправления, в том числе муниципальной власти, формируемой горожанами (т.е. *гражданами, бюргерами, буржуа*). Следует учитывать и в целом меньшую распространенность крепостничества на украинских землях, его исторические сроки: распространенное преимущественно в центральных областях империи «крепостничество» по сути было стыдливым именованием рабовладения, т.е. открытой торговлей соотечественниками оптом и в розницу. Сыграло свою роль также обитание украинской громады на территориях разных государств, предопределив ее диверсифицированность, создав несколько уровней и типов национального домостроительства.

Если украинская ментальность в определенной степени это ментальность хуторянина, козака, шляхтича, гражданина-горожанина, отстаивавшего конфессиональную-языковую-национальную «самостийность» (менявшие культурный код, растворялись в соседних народах), то ментальность имперского индивида в своей основе — ментальность подданного межнационального государства (господарства), «слуги империи», стремительно расширявшейся и вбиравшей народы на евразийских просторах. XX век привнес на эти земли центробежную идею строительства политических наций, а коммунистический эксперимент запустил процесс иной формулы интеграции с Россией. Крах эксперимента завершил процесс и предопределил трансгрессию.

Специфика Украины заключается также в трагичности ее истории. Страна располагалась на путях переселения народов, перекрестке культур и конфессий, политических проектов и социальных катаклизмов, слишком часто пребывая в горниле войн и оккупаций. Соборное единство народа было обретено на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей, конечно же, ощутимы вплоть до настоящего времени. Трагична история и советского периода, прежде всего катастрофа Голодомора, выкосившая Восточную Украину (как бы ни подсчитывали число жертв – во всех версиях оно чудовищно). Одним из следствий чего было переселение некоторого числа жителей центральной России в эти земли. А затем воследовали военные и послевоенные «страсти по Украине»...

В сумме эти факторы предопределили настойчивое стремление к суверенности и европейский выбор Украины. Можно, конечно, обсуждать, почему радикальный перелом произошел именно сейчас, но, в принципе, долгосрочная тенденция была очевидна.

— Ситуация на Украине усугубляется с каждым месяцем, на востоке страны гибнут люди, экономика рушится. Видите ли вы пути выхода из украинского кризиса при существующем «даном», зависят ли они от действий России? Сможет ли Украина преодолеть кризис, восстановить государство в прежних границах? Вероятно ли возобновление горячей фазы?

— Вероятность постепенно уменьшается. Максимальная вероятность массированного ввода российских войск в виде миротворческих была, по-видимому, примерно год назад – в конце апреля 2014 года. Однако, что касается общеевропейской ситуации, то она изменилась кардинально. Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, основанная на

соблюдении утвержденных и подтвержденных международных договоров и признанных этими договорами границ, режим общей и ядерной безопасности. Причем домино процесса лишь начинается, вопрос как далеко он пойдет. На очередном этапе могут обнаружиться сбои в работе международных организаций, в действенности различного рода соглашений, исполнении решений международных органов, т.к. их авторитет и дееспособность скомпрометированы. Россия предъявила миру контуры иного миропорядка, основанного на иных принципах взаимоотношений государств («историческая справедливость», «объединение разделенных народов» и т.п.).

Да, перспектива активных боевых действий на территории Украины все еще существует, но серьезный аспект ситуации – накапливающиеся в ходе боевых действий низкой интенсивности деструктивные следствия и вероятность «черных лебедей», вылетающих из этого гнезда (вспомним катастрофу с малазийским лайнером). В данных процессах и коллизиях содержатся зародыши разновекторных событий, сумма которых непредсказуема. На территории Европы образуется «травматическая инклюзия», напоминающая аналогичные деструктивные образования на других континентах планеты: политическое пространство конфликтующих полевых командиров; инволюция к этно/конфессионально ориентированным городам-государствам; перманентное ведение гибридных боевых действий различной интенсивности; зыбкие, подвижные границы подобных территорий; трофейная экономика как основа жизнедеятельности; постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии; различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека; социальная неоархаизация, культурная инверсия; «антропологический пылесос», действующий как внутри территорий, так и относительно окружающего мира, формируя специфические сообщества; большое число беженцев и переселенцев, обширный аксиологический кризис. Иначе говоря, образуется раковая опухоль, которую проблематично полностью исцелить. В такие точки притягиваются специфические люди – вырабатывается своеобразный военный алкоголизм, который не проходит с годами...

— Как, вы считаете, это нужно прекратить, что конкретно сделать? Что может повлиять на выход из сложившейся ситуации, если, допустим, СМИ прекратят истерию?

— Детоксикация СМИ это императив не столько даже по отношению к украинской ситуации, сколько к российской. В той политике, которую средства массовой информации сейчас осуществляют, видится определенная угроза национального масштаба. Что касается понимания украинской ситуации, необходимы серьезные и некрикливые обсуждения проблемы, в том числе публичные. Причем обсуждения полноценные, т.к., судя по явным ошибкам, совершенным и совершаемым, создается впечатление, что нет понимания ни исторических основ, ни комплексных следствий удручающего развития событий.

Проблема даже более серьезна, ведь, по сути, речь идет о глубоком кризисе систем госуправления. Их упрощение, выхолащивание стартовало еще в начале 90-х, когда тяга к властной вертикали проявилась в уничтожении двоевластия (третья, судебная ветвь власти, ни тогда, ни тем более впоследствии в России так и не сформировалась). Были сняты сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что очень скоро предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, фальсификацию выборов и т.д.

Да, и поскольку мы живем в глобальном мире, необходимы переговоры.

— Переговоры какие? Международные?

— Международные, поскольку это международная проблема. Многосторонние и двусторонние. А также санация «ДНР-ЛНР», включая восстановление режима российско-украинской границы. Частично процессы пошли, подтвердив наличие проблем и с полевыми командирами, и с фиксацией пограничного режима. Санация сама по себе непростой процесс даже при наличии политической воли.

— Как можно снизить градус?

— Снизить градус — поставить барьер насыщению этих территорий оружием и людьми. Возможно, используя миротворческий контингент ООН. Это достаточно стандартная процедура, а Украина сейчас идею поддерживает. Но некоторые стратегические позиции Россией уже утрачены. И не только наподобие членства в «большой семерке», но, к примеру, подорвана многоплановая концепция «русского (руського) мира», которая была актуальна и перспективна.

— А почему она актуальность потеряла?

— Поскольку был принят на вооружение ее крайне неплодотворный и неперспективный извод, запустивший процесс исторических и цивилизационных связей в реверсном режиме. И для России этот поезд ушел. Парадоксальным, на первый взгляд, образом, то, против чего кампания затевалась, было именно ею ускорено и воплощено. Говорят, определенного психологического склада люди бессознательно реализуют свои страхи...

Тут и опасения в отношении союза Украины-НАТО, и размещение войск блока на постсоветском пространстве непосредственно у границ с Россией, и обретение североатлантическим блоком «второго дыхания», и укрепление позиций США в Европе. А также возрождение «Восточного партнерства», продвижение связей постсоветских стран с ЕС, многомиллиардное финансирование европейского вектора Украины, причем в условиях, когда сам Европейский Союз находится в сложной экономической ситуации. Но главное, произошли качественные изменения в ментальности, включая отношение к России. И не только в Украине.

— Одно из самых обсуждаемых событий последних месяцев — убийство Немцова. Убийство называют политическим. Что вы можете сказать о политических последствиях убийства?

— Это как раз то, о чем мы уже говорили, когда затронули тему «черных лебедей». Там малазийский «Боинг» был «черным лебедем», а тут убийство Немцова на фоне Кремля, достаточно серьезный «черный лебедь». Убит был не просто оппозиционер, а человек, бывший кандидатом в преемники Ельцина, занимавший посты первого вице-премьера, члена СНБ, вице-спикера Госдумы, члена Совета Федерации, т.е. статусный человек при всех издержках биографии. Убит в специфическом интерьере, в том самом месте – на Москворецком мосту у Васильевского спуска, где в 1987 году приземлился Матиас Руст, что также было явлением «черного лебеда»...

— Это опять же символика, причем сейчас очень интересные кульбиты начинаются. Глупо прогнозировать и пытаться думать, кто или что станет очередным «черным лебедем», чего может все коснуться. Вы помните, в декабре два взрыва в Волгограде — один, потом другой. И потом новости все покатались друг за другом — Украина, курс доллара, одно за одним, Донбасс, потом реальная война, потом – раз, и мы все живем через условный год в другом мире.

— Процессы, протекающие в новом сложном мире, требуют качественного обновления методов анализа и действия. При определенных обстоятельствах локальные события могут приводить к каскадно развивающимся процессам, завершаясь радикальными изменениями или, случается, разрушением системы. Совсем простой пример – аморфная куча песка, которая рассыпается после принятия очередной, но фатальной для нее песчинки. Траектории социальных процессов не столь просты, однако тоже сопряжены с критическими обстоятельствами. На «роковой» стадии (фазовом переходе) определяется их судьба, когда подчас незначительное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы и саму будущность системы. Технологии, нацеленные на управление социальной мобильностью, претендуют на достижение подобных эффектов, их форсирование, использование критических состояний, а в перспективе – продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм новой организации.¹

Ригидные структуры умножают охранительные механизмы, высокоадаптивные же организмы обладают гибкой самоорганизацией. Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Вспомним знаменитый эффект бабочки, взмах крыльев которой где-нибудь в Индонезии может спровоцировать обвал акций на Уолл-стрите. Ну а сбой в сложной системе международных связей способен привести к созданию гнезда черных лебедей, откуда эти тревожные птицы начинают вылетать одна за другой.

Беседовал Дмитрий Чайка

¹ [Неклесса А.И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №1. – С. 93-107.](#)